K8 10/68

К8 10/68

Проф. Л. Н. САКУЛИН.

НОВОЕ
РУССКОЕ ПРАВОПИСАНИЕ.

Письмо—вещь условная. Слово, напротивъ, есть необходимое, на глубокихъ законахъ основанное явленіе.

К. С. Аксаковъ. Нѣсколько словъ о нашемъ правописаніи.

Цѣна 30 коп.

Типография Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. дом.
МОСКВА.—1917.

Проф. П. Н. САКУЛИН.

К8 10/68

НОВОЕ

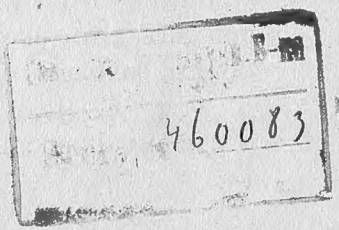
РУССКОЕ ПРАВОПИСАНИЕ.

Письмо—вещь условная. Слово, напротивъ, есть необходимое, на глубокихъ законахъ основанное явленіе.

К. С. Аксаковъ. Нѣсколько словъ о нашемъ правописаніи.

165/7

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.
МОСКВА—1917.


460083

I.

Введение.

С осени 1917 года в низшей и по возможности в средней школе вводится новое правописание. Этим кладется начало крупной культурной реформе, которая существенным образом должна отразиться на успехах народного просвещения.

Давным давно сознано, что наше правописание представляет огромные трудности для усвоения; что учащиеся, с явным ущербом для своего общего развития, затрачивают слишком много времени для того, чтобы стать, наконец, грамотными в условном смысле этого слова.

Испытав на себе разновременные и противоречивые влияния, русская орфография страдает многими недостатками, которые делают ее сложной и неустойчивой. Она — трудна особенно там, где находится в разладе с историей и свойствами самого русского языка.

При возникновении нашей письменности, нам пришлось воспользоваться чужой азбукой, именно той, которая была составлена в IX в. св. Кириллом применительно к одному из наречий древних болгар. Азбука эта не была как следует согласована с звуками собственно русского языка.

С течением времени такое несоответствие становилось все более и более резким. Язык непрерывно развивается в живом употреблении говорящих, а письмо живет особой, более неподвижной и искусственной жизнью, и потому, как бы ни было оно совершенно на первоначальной ступени своего существования, рано или поздно наступит момент, когда обнаружится значительное расхождение между письмом и речью.

Отсюда—необходимость от времени до времени реформировать письмо. История русского правописания знает несколько таких попыток. Предпринимаемая ныне реформа также исходит из принципиального убеждения, что в нашей азбуке накопилось несколько мертвых знаков, которым нет соответствия в звуках живого языка, и которые, следовательно, являются лишними.

С другой стороны, среди правил нашей орфографии есть много таких, которые не оправдываются историческими и этимологическими данными языка, а вошли в наш обиход в силу произвольных мудрствований разных законодателей грамотности. В XV веке это были югославянские книжники, дорожившие своей орфографической традицией и игнорировавшие свойства русского языка; в XVIII в.—писатели, искусственно различавшие высокий и низкий штили не только в языке, но и в правописании, или просто узаконявшие случайный обычай; внесли нечто свое, часто без достаточных оснований, и кое-кто из ученых XIX в. (Востоков, Греч, Буслаев, особенно Грот).

Новое правописание стремится по возможности удалить недостатки обеих категорий и тем самым «упростить» нашу орфографию, но так, чтобы сохранить должное равновесие между двумя главными принципами правописания — фонетическим и этимологическим.

Проект «упрощения» начал обсуждаться еще в 1901 году в Педагогическом Обществе, состоявшем при московском университете. В 1904 году при Академии Наук была образована особая орфографическая комиссия. Разные обстоятельства прерывали её работу, но избранная ею подкомиссия выполнила свою задачу, издав в 1904 г. «Предварительное Сообщение», а в 1912 г. «Постановления». Несмотря на многократные ходатайства русского учительства и некоторых общественных организаций, дело реформы не переходило в стадию практического осуществления. Совершившийся переворот создал благоприятную для нее обстановку. 11 мая 1917 г. Академия нашла возможным созвать «совещание по вопросу об упрощении русского правописания». Его постановления были сочувственно при-

няты министерством народного просвещения. Государственный Комитет по народному образованию своим общественным авторитетом поддерживает реформу. Русская школа получает, наконец, новое правописание.

В разработке вопроса принимали участие выдающиеся специалисты, и можно не опасаться за научные и педагогические достоинства реформы, хотя, разумеется, на первых порах многим она может показаться чем-то «неграмотным» и потому неприемлемым [1]).

II.

Постановления совещания

по вопросу об упрощении русского правописания, принятые 11 мая 1917 г.

Постановления эти можно распределить по трем рубрикам и формулировать следующим образом.

А) *Устранение из азбуки т. н. лишних букв.*

1) **Исключается буква Ѣ, с последовательною заменою её через е** (колено, вера, семя, в избе, кроме).

Примечание. Признано желательным, но необязательным употребление буквы ё (нёс, вёл, всё).—Само собою разумеется, что буква э остается в алфавите, как выражающая особый звук.

---

[1]) *Важнейшая литература вопроса.* 1) **Д. Н. Ушаковъ.** Русское правописаніе. Очеркъ его происхожденія, отношенія его къ языку и вопроса о его реформѣ. Изд. 2-е. М. 1917. Ц. 1 р. (Есть библіографія).—2) **В. И. Чернышевъ.** Упрощеніе русскаго правописанія. I. Современное состояніе русскаго правописанія. II. Историческій очеркъ вопроса объ его упрощеніи. Изд. 2-е. Спб. 1912. Ц. 50 к.—3) **П. Н. Сакулинъ.** Упрощеніе русской орѳографіи. Вѣстникъ Воспитанія, 1904, № 6. В скором времени выйдет особая брошюра того же автора «Реформа русского правописанія» (Спб. 1917). — 4) **К. Житомірскій.** Молохъ XX вѣка (правописаніе). М. 1915. Ц. 1 р.—Критика реформы дана в книге **проф. А. И. Томсона** «Къ теоріи правописанія и методологіи преподаванія его въ связи съ проектированнымъ упрощеніемъ русского правописанія» (Одесса. 1903). Ц. 1 р. 25 к.

2) **Исключается буква ъ в конце слов и частей сложных слов** (хлеб, посол, меч, пять куч, контр-адмирал), **но сохраняется в средине слов в значении отделительного знака** (съемка, разъяснять, адъютант).

Примечание. Буква **ь** неизменно остается во всех случаях, где она употребляется в современном правописании (писать, казаться, речь, вещь, прочь, режь, читаешь, настежь и т. д.).

3) **Исключается буква ѳ, с заменою её через ф** (Фома́, Афанасий, фимиам, кафедра).

4) **Исключается буква і, с заменою её через и** (учение, Россия, пиявка, Иоанн, высокий).

Примечание. Ижицу еще Грот считал исключенною из русской азбуки.

Б) *Правила относительно некоторых окончаний.*

1) **Писать в род. пад. ед. ч. прилагательных, причастий и местоимений—ого,—его, вместо—аго,—яго** (доброго, пятого, которого, синего, свежего, текущего).

Примечание. Следовательно, окончание, употребляемое теперь только под ударением (слепого, хромого), будет писаться во всех случаях.

2) **Писать в имен. и вин. пад. мн. ч. женск. и средн. рода прилагательных, причастий и местоимений—ые,—ие, вместо—ыя,—ія** (добрые сестры, старые окна, синие ленты, какие небеса, животные).

Примечание. Следовательно, устраняется различие окончаний по родам: для всех трех родов оставляется одно окончание—**ые, ие.**

3) **Писать в род. пад. един. ч. местоимения личного женск. рода ее или её вместо ея.**

Примечание. Следовательно, в род. и вин. падежах ед. ч.—одна форма: **ее (её).**

4) **Писать они вместо онѣ в имен. пад. множ. ч. женского рода.**

Примечание. Стало быть, написание **они** относится ко всем родам.

5) **Писать в женском роде одни, одних, одним, одними, вместо однѣ, однѣх, однѣм, однѣми.**

Примечание. Этот пункт тожествен с предыдущим (4-м).

В) *Орфография приставок, правила слитного написания наречий и переноса слов.*

1) **Писать приставки из, воз, вз, раз, роз, низ, без, чрез, через перед гласными и звонкими согласными с з, но заменять з буквой с перед глухими согласными, в том числе и перед с** (извините, воззвание, разумно, взыскать, низвергать, безвольный, чрезвычайно,—исправить, воспитать, всхожие семена, расстаться, роспись, ниспосланный, бесполезно, бесчестно, чересполосица, чересседельник).

2) **Допустить слитное и раздельное написание в каречиях, составленных из сложения существительных, прилагательных и числительных с предлогами** (встороне и в стороне, втечение и в течение, сверху и с верху, вдвое и в двое).

3) **При переносе слов ограничиться следующими правиламк:**

а) **согласная (одна или последняя в группе согласных) непосредственно перед гласной, не должна быть отделяема от этой гласной;**

б) **группа согласныхъ в начале слов не отделяется от гласной;**

в) **буква й перед согласной не должна быть отделяема от предшествующей гласной;**

г) **конечная согласная, конечное й и группа согласных на конце слов не могут быть отделены от предшествующей гласной;**

д) **при переносе слов, имеющих приставки, нельзя переносить в следующую строку согласную в конце приставки, если эта согласная находится перед согласной; напр., надлежит делить „под-ходить“, а не „по-дходить“, „раз-вязать“, а не „ра-звязать“.**

III.

Научное обоснование реформы.

На непривычный глаз человека, вполне «грамотного», но незнакомого с наукой о языке вообще и русском в особенности, новое правописание производит впеча-

тление какой-то уступки письму малограмотных людей. Между тем каждый пункт реформы может быть оправдан научными соображениями.

А) *Устранение т. н. лишних букв.*

Общий мотив для исключения этих букв из нашего алфавита заключается в том, что они давно уже утратили свое особое звуковое значение или никогда не имели его (как і). Следовательно, они являются или ненужными дублетами к другим буквам, обозначающим те же самые звуки (ѣ-е, ѳ-ф, і-и,), или совершенно излишними (как ъ). Нельзя отрицать основательности обычной ссылки на то, что «лишние» буквы иногда помогают читателю различать на письме формы и слова, звучащие одинаково (все—всѣ, есть—ѣсть, міръ и миръ). Но ведь значение слов возможно только в речи. В связной устной речи мы прекрасно понимаем слова, звучащие одинаково. Точно также и на письме мы поймем слово по связи его с другими, какова бы ни была его орфография. Кромѣ того, если понадобится, можем употреблять ё или ударения. Не забудем, что русский язык вообще богат словами, которые имеют несколько значений, хотя пишутся и по старой орфографии совершенно одинаково; напр., лук, коса, ключ, пол, жать, и проч. Во всяком случае то, что облегчает усвоение грамоты, нужно предпочитать тому, что составляет удобство для вполне грамотного человека.

О каждом случае в отдельности можно сказать следующее (приведу здесь лишь самые важные доводы).

1) *Буква* ѣ. В очень далекие времена буква ѣ имела иное произношение, чем буква е, но уже в древнерусских памятниках XI в. наблюдается их смешение. По традиции буква ѣ сохранилась до наших дней, но живой литературный язык (как и огромное большинство великорусских говоров) знает только один звук, тот самый, который вполне можно передавать буквою е. Так, совершенно одинаково звучат соответствующие гласные в словах: ѣли и ели, ѣсть и есть, надѣнь и день, вѣтка и ветхий, и т. п. Если же некоторые все-таки утверждают, что они слышат в по-

добных случаях разные звуки,—то это — своего рода обман слуха под влиянием привычной орфографии. **Ѣ** слился съ **е**; поэтому нам и приходится усваивать многочисленные правила употребления ятя, конечно, с неизбежными исключениями. Напрасно иные думают, что они всегда пишут **ѣ** именно там, где ему исторически следует быть: очень часто «по грамматике» мы ставим ять там, где не нужно (напр., в словах: рѣшето, рѣдька, сѣкира, змѣй, сѣдло, цвѣсти, гдѣ, здѣсь, вездѣ), и, наоборот, пишем **е**, а надо бы **ѣ** (напр., песок, семья, дверь, клей, мель, мелкий, блеск, некогда, некуда, некого, нечего, вред, время, летать, метать и т. п.; местоимение **её** следовало бы писать **еѣ**, также и в окончании им. пад. мн. числа прилагательных—не **ые, іе**, а **ыѣ, иѣ**).

Усвоение буквы **ѣ** сопряжено для учащихся с такими исключительными трудностями, что перед ними меркнут те маленькие удобства, какие получает читающий фразы: «всѣ люди» (а не «все люди»), «всѣ знают это» (а не «все знают это») и т. п. [1])

В необходимых случаях можно, как мы это делали всегда, прибегать к употреблению **ё** (все—всё). Ведь приходится же иногда ставить и знаки ударения, хотя, вообще говоря, в этом мы не нуждаемся.

2) *Буква* **ъ**. Если смотреть на дело исторически, буква **ъ** имеет не меньшее значение, чем буква **ѣ**: она также обозначала гласный звук (неполного образо-

---

[1]) Известно, к каким ухищрениям прибегают учащие, чтобы внедрить букву **ѣ** в орфографию детей. Составляются нарочитые стихи на слова с буквой **ѣ**. Есть и книжка — г. А. Макаревского: «Примѣненіе буквы **ѣ** въ русскомъ письмѣ (въ стихахъ)» (Спб. 1912). Преподаватель петергофской гимназии, г. Николай Гинцбург сочинил другую подобную книжку под заглавием: „Лѣтомъ у дѣдушки. Разсказъ изъ словъ съ буквою **ѣ** въ корнѣ. Съ 60 рисунками. Пособіе къ изученію корней съ буквою **ѣ**, построенное на психологическихъ основахъ.“ В обширном предисловии автор развиваетъ те „положенія психологіи“, на которых зиждется его „способъ обученія правописанію корней съ буквою **ѣ**“. Понадобилось мобилизовать всю тяжелую артиллерию физиологических и психологических приемов, чтобы овладеть фортецией ятя. Книга г. Гинцбурга одобрена Советом при св. синоде и Учебно-восп. Комитетом Педаг. Музея военно-учебн. заведений. Выдержала уже несколько изданий (в 1914 г. было 4-е издание).

вания) и играла важную роль в истории звуков и форм русского языка. Но в одних случаях **ъ** перешел в ясный звук **о**, а в других — онемел, перестал произноситься; в качестве беззвучного **ъ** в средине слов перед согласными перестал даже писаться (дъва=два, дъно=дно), а в конце слов остался на положении «твердого знака». Так как твердость конечных согласных очевидна сама собою, если при них нет знака мягкости (ь),—то **ъ** в конце слов оказался лишним. Ранее всякой систематической реформы, конечный **ъ** давно уже стал опускаться многими пишущими. Здесь имело свое значение также то практическое соображение, что, устранив **ъ**, мы получаем при печатании около 8% экономии (на наборе, печатании и бумаге). Во всяком случае у ера защитников всегда было неизмеримо меньше, чем у ятя.—В средине слов, где **ъ** выполняет определенную функцию, эта буква должна остаться на своем месте. Некоторые предлагали и в таких случаях удалить **ъ**, заменив его тире или апострофом. Но тире уже имеет у нас другое назначение, надстрочные же знаки вообще нежелательны, да и, кроме того, не следует придумывать новых знаков, когда можно обойтись старыми начертаниями.

3) **Буква ѳ.** Эта буква — греческого происхождения. В самом древне-греческом языке некогда она имела особое произношение. Мы заимствовали ѳиту для написания слов, взятых из греческого языка, но правила этого строго не выдерживали, так как **ѳ** и **ф** читали одинаково. Отсюда уже в древне-русских рукописях находим орфографию: Феодосии, Феодоръ и пр. А, с другой стороны, по требованию своей фонетики, стали произносить и писать, напр., «театр» вместо старинного «ѳеатръ». Теперь, когда в русском языке существует множество слов иностранного происхождения, греческие слова тонут среди них, так что пишущему нелегко бывает разбираться в генеалогии того или другого слова. **Ѳ** с успехом заменяется исконной нашей буквой **Ф.**

4) **Буква і.** Правила об употреблении буквы **і** принадлежат к числу не особенно трудных, но учащиеся и тут наталкиваются на «исключения» и противоречия.

Кроме «міра», вспомним «пятиугольный», «пятиэтажный». А как писать, напр., «приазовский», твердо еще не решено. Эта путаница отражает темное происхождение самого правила. Постоянным буквенным знаком для выражения соответствующего звука было **и**; в старину спокойно писали: иереи, иосифъ; **і** стало появляться в рукописях случайно, чаще всего в конце строки, когда не уписывалось **и**. Югославянские грамотеи XV в. закрепили употребление **і**. Но правила его употребления пересматривались несколько раз в течение XVIII и XIX вв. и все-таки не получили окончательной устойчивости.

Во всяком случае один из знаков **и** является лишним. В пользу буквы **і** иногда ссылаются на то, что она существует в других европейских алфавитах, и даже что она красивее, чем **и**. Последнее—условно, а первому соображению можно противопоставить следующие доводы:

а) **и** принадлежит к числу основных букв нашего алфавита;

б) **и** встречается чаще, и удаление этой буквы было бы более заметным, чем отказ от **і**;

в) сохраняя **и**, мы можем оставить без всяких изменений знак **й**;

г) легче написать **и**, чем **і** (для надстрочной точки требуется отрывать руку).

В немногих словах греческого происхождения писали у нас также **ижицу** (мѵро, лѵра, сѵнодъ, Хрѵсанѳъ), но этой букве у нас посчастливилось значительно менее, чем её соотечественнице **ѳ**. Слова «лира» и даже «синод» давно уже пишутся с буквой **и**; ижица осталась «для больших оказий», для к. н. слова «мѵро»: теперь её смѣло можно считать выбывшей из строя.

Б) Правила относительно некоторых окончаний.

Здесь в трех случаях новое правописание просто удаляет нерусские (а древне-церковно-славянские) окончания: **—аго (яго), —ыя (ія), ея**, — и оставляет русские окончания, которые сохранились в качестве параллельных древне-церковно-славянским, но в

употреблении подчинены произвольным правилам. Мы имеем право поступать таким образом потому, что русский язык, хотя и в родстве с древне-церковно-славянским, хотя и испытал на себе его влияние, но не происходит от него, а существовал и существует сам по себе. Кроме того, уничтожено искусственное различение по родам в прилагательных и местоимениях множеств. ч., так как этого нет в самом языке, да и для читающего нет особенной надобности в различении родов.

1) **Окончания аго (яго).** В древне-церковно-славянском языке род. падеж полных прилагательных имел окончание:—**а**+**его** = **ааго** = **аго** (добр—**а**—**его**=добр—**а**—**аго** = добр—**аго**). Живой же русский язык искони знал только одно окончание—**ого**, которое ясно слышится под ударением. Значит, в данном пункте реформа только восстановляет права русского языка, затемненные славянским влиянием.

Сказанное применимо, конечно, и к мягким окончаниям: —**яго**, с одной стороны, —**его**, с другой. При этом после шипящих и **ц** в безударных окончаниях следует писать—**его**: свежего, лучшего, прочего, идущего, куцего, а под ударением—**ого**: чужого, большого.

2) **Окончания ыя (ія).** Этот случай сходен с предыдущим, хотя и более сложного происхождения.

Окончание **ыя** получилось из древне-церковно-славянского ыıА и есть окончание вин. пад. мн. ч. мужеского и вместе с тем им.—вин. п. мн. ч. женского рода. В древне-русском языке ему соответствует **ыѣ** и далее **ые**. Значит, во-первых, окончания **ыя** и **ые** относятся к одним и тем же падежам и, во-вторых, не содержат различия по родам. Разница между ними та, что **ыя** — древне-церковно-слав. написание, а **ые** — чисто русское. Естественно нам сохранить последнее.

Окончания **ія** и **іе** образовались из смешения окончаний им. и вин. падежей, но отношение между ними то же самое, что между **ыя** и **ые**. Выбираем **ие** какъ чисто русское.

Окончания **ые** и **ие** мы можем употреблять безразлично для всех трех родов: наши прилагательные и местоимения мн. ч. уже в древности утратили родо-

вые различия (ср.: мои, эти, те, все, лисьи); при этом формы средн. рода были вытеснены формами муж. и женск. рода. Югославянские книжники XV в., дорожа окончаниями **ыя, ія,** ввели к нам искусственное правило, которое поддерживали и писатели XVIII в., но весьма сомнительными аргументами. Так, Ломоносов говорил: «обоихъ буквъ **е и я,** во всѣхъ родахъ употребленіе позволяется; хотя мнѣ и кажется, что **е** приличнее въ мужескихъ, а **я** въ женскихъ и среднихъ».

Нам незачем идти наперекор этимологическому строю русского языка: новое правописание отвергает ложное правило и сохраняет лишь—**ые,—ие.**

3) **Форма ея.** Устраняя форму **ея** и оставляя лишь форму **ее,** мы руководствуемся тем же принципом, что и по отношению к окончаниям **аго** и **ыя. ея** и **ее**—это формы одного и того же падежа, именно родительного ед. ч., только первая принадлежит древнецерковно-слав. языку (ѥѧ), а вторая—собственно русскому и писалась **еѣ,** далее **ее** и **её.** Форма род. падежа в известных случаях употреблялась и в качестве формы вин. п. („**ее**“ ср. с «самоё»). Так, уже в памятнике XII в. (в «Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ») читаем: «умысли съзьдати цьркъвь и съзьдавъ еѣ».

Искусственным разграничением форм **ея** и **ее,** как и во многих других случаях, мы обязаны югославянским писателям XV в. Ломоносов считал возможным в род. п. употреблять как **ея,** так и **ее,** только «**ее** въ просторѣчіи, **ея** въ штилѣ употреблять пристойнѣе».

Теперь мы возвращаемся к единственно правильной русской форме род. и вин. пад.: **ее.**

Кстати сказать, нет основания избегать формы род. пад.: «у ней», «от ней». Она образовалась из древней «у неѣ», «у nej», как «доброй», «той» и пр. из «доброѣ», «тоѣ» и пр.

4 и 5) **Формы они и одни.** Выше уже было сказано, что местоимения, как и прилагательные во мн. числе не различают родов. Формы **они** и **онѣ** в действительности относятся одинаково как к мужескому, так и к женскому роду, при чем **онѣ** возникло по аналогии с формами: **тѣ, всѣ.** Въ литературном языке

более употребительна форма **они:** ею и можно ограничиться.

Искусственный характер нынешнего правила об **они** и **онѣ** был вполне ясен уже для Ломоносова; однако, по его мнению, «лутче въ среднемъ и въ женскомъ **онѣ;** а въ мужескомъ **они**». Доказательств никаких. Отсюда не могло не возникнуть разногласия: Буслаев и Грот форму **онѣ** относят только к женск. роду, а А. И. Соболевский, по Ломоносову, и к женскому и к среднему.

Заметим, что когда-то пробовали установить даже написания: **эти** и **этѣ.** Но попытка эта справедливо потерпела неудачу.

Подобно **они** и **онѣ**, формы **одни** и **однѣ** не заключают в себе различия по родам. Первой форме отдается предпочтение единственно потому, что, как и **они**, в литературной речи она употребительнее, чем **однѣ.**

Следует, однако, иметь в виду, что формы **онѣ (оне)** и **однѣ (одне)** нельзя считать какими-то ошибками против языка. Желательно только установить известное единообразие на письме.

В) Приставки, слитное написание наречий и перенос слов.

Правила, которые предлагаются под этой рубрикой, упрощают ныне действующее правописание, но по самой природе своей не имеют такой научной принципиальности, какая характеризовала содержание двух первых рубрик.

1) **Приставки из, воз, раз и пр.** История нашего правописания даже только в XIX в. (Востоков, Буслаев, Стоюнин, Грот) сумела произвести здесь такую путаницу, что трудно дать вполне удовлетворительное решение. Прежде всего практически важно, чтобы все названные приставки были подчинены одному правилу. Но какому? Можно бы, как думали Грот и Вл. П. Шереметевский, и как предполагалось в докладе московского Педагогического Общества (1901 г.), а также в «Предварительном сообщении орфограф. подкомиссии» Академии Наук, писать их всегда «по этимо-

логии», т. е. с **з**. Но проще оставить правило, принятое по отношению к большей части этих приставок, — писать **з** перед звонкими согласными и **с** перед глухими, т. е. руководствоваться произношением. Зато это требование должно применяться уже решительно ко всем глухим (в том числе и к **с**) и распространяться также на приставки «без» и «чрез», занимавшие до сих пор привилегированное положение.

2) **Слитное и раздельное написание наречий.** Затруднения этого рода мы испытываем в тех случаях, когда не уверены, имеем ли мы дело с наречием (одно слово) или с предлогом, управляющим известным падежом склоняемого слова. Наши сомнения очень часто вполне законны, так как в самом языке процесс образования наречий не завершился, и мы иной раз застаем выражение в его переходном состоянии. Вот почему возможно решать вопрос как в ту, так и в другую сторону, и пишущему необходимо предоставить свободу действий.

Во всяком случае слитное и раздельное написание слов принадлежит к тем многочисленным частностям нашей орфографии, которые имеют, конечно, практическую важность, но в научном отношении несущественны.

3) **Перенос слов.** Грамматики, начиная с Ломоносова, не перестают заниматься правилами переноса слов. В конце концов у Грота мы находим целую теорию из 18 пунктов. Учащие, с своей стороны, очень строго следят за соблюдением этих правил. Между тем правила переноса не могут иметь научной обязательности: главное основание заключается тут в **удобстве** письма и чтения. В древне-русских рукописях не редкость встретить перенос любой буквы и в любом сочетании. Так как, однако, из практических соображений представляется желательным внести сюда некоторое упорядочение, то можно опереться на два момента, имеющих отношение к принципу удобства: это, во-первых, деление слов на слоги (хотя научно не разработанное) и, во-вторых, этимологический состав слов.

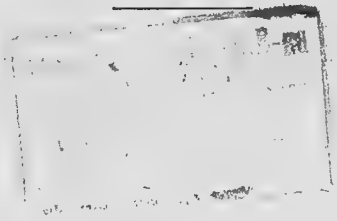
На этих данных и основаны те немногие практические советы, которыми ограничиваются «постановления».

Нет никакого сомнения, что и после реформы в нашей орфографии останется немало трудностей. Некоторые из них такого рода, что вовсе не допускают устранения; другие со временем могут подвергнуться изменениям. Реформа вызывает необходимость составления нового орфографического справочника, по типу «Русского правописания» Грота. Это—дело уже недалекого будущего.

Вышеизложенные пункты касаются лишь самых существенных сторон правописания.

Вдумавшись в мотивировку постановлений, каждый согласится с тем, что реформаторы во всех случаях руководствовались показаниями живого литературного языка или его историей, и что новое правописание нельзя приравнивать к произвольному письму по принципу «пиши, как говоришь». Вводимая реформа есть действительно «упрощение» правописания; но, основанная на звуковом составе и этимологическом строе языка, орфография остается попрежнему системой, только более «научной», более упорядоченной и более русской. Старые и новые книжники, скажем словами академика А. А. Шахматова, облекли русский язык в «иноземный орфографический мундир, в котором мы его застаем, правда, уже с прорехами и заплатами»; в предлагаемых новшествах «люди знающие, действительно знакомые с непрерывною нитью, соединяющею нашу письменность с первыми начатками ее на Руси, усмотрят возвращение к старине».

Орфографическая реформа исходит от языка и, удаляя ложные написания, тем самым отчасти ограждает его от возможной порчи в будущем. Языку жить будет просторнее, а дѣтям учиться будет легче.



Книгоиздательство Т-ва И. Д. СЫТИНА.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ КЛАССНЫХ И ВНЕКЛАССНЫХ БЕСЕД.

Подвижная хрестоматия. Под редакцией **П. Н. Сакулина.** Для средних учебных заведений.

Часть I. Для I класса, состав. **Е. Д. Домашевской** и **И. Н. Розановым.** 400 стр.

СОДЕРЖАНИЕ: В. А. Жуковский. Сказка о царе Берендее.—С. Т. Аксаков. Аленький цветочек.—Н. Д. Телешов. Белая цапля.—К. С. Баранцевич. Люрлюс.—Л. Н. Андреев. Кусака.—Е. Н. Чириков. Рыжий.—К. М. Станюкович. Елка.—Д. Н. Мамин-Сибиряк. В ученьи.—Н. Д. Телешов. Шахты.—Д. Н. Мамин-Сибиряк. Под землей.—Н. И. Тимковский. Вьюга.—Л. Н. Толстой. Бог правду видитъ, да не скоро скажетъ.—К. М. Станюкович. В нянькахъ.—И. С. Тургенев. Сучитъ.—Л. Н. Толстой. Кавказский пленник.—М. Ю. Лермонтов. Беглец.—Стихотворения.

Часть II. Для II класса, состав. **Е. Д. Домашевской** и **И. Н. Розановым.** 394 стр.

СОДЕРЖАНИЕ: Д. Н. Мамин-Сибиряк. Лесная сказка.—П. В. Засодимский. Памятный день.—С. И Гусев-Оренбургский. По течению.—П. В. Засодимский. Антон Попов.—Н. А. Некрасов. Крестьянские дети.—Н. Д. Телешов. Домой.—А. С. Серафимович. Под праздник.—И. С. Тургенев. Льгов.—Д. В. Григорович. Бобыль.—А. М. Станюкович. За Щупленькаго.—А. М. Горький. Дружки.—А. П. Чехов. Нищий.—В. А. Жуковский. Неожиданное свидание.—Л. Н. Толстой. Упустишь огонь, не потушишь.—А. С. Пушкин. Галуб.—Д. Н. Мамин-Сибиряк. Кара-Даным.—Стихотворения.

Часть III. Для III класса, состав. **И. П. Казанским** и **И. Н. Розановым.** 494 стр.

СОДЕРЖАНИЕ: Д. В. Григорович. Светлое Христово Воскресение.—Н. В. Гоголь. Пропавшая грамота.—А. С. Пушкин. Медный всадник.—Н. В. Гоголь. Старосветские помѣщики.—В. М. Гаршин. Сигнал.—К. М. Станюкович. Человек за бортом.—Д. Н. Мамин-Сибиряк. Последняя треба.—К. М. Станюкович. Исайка.—И. С. Тургенев. Муму.—И. С. Тургенев. Певцы.—Л. Н. Андреев. Баргамот и Гараська.—А. П. Чехов. Ванька.—А. С. Серафимович (Попов). Никита.—А. П. Чехов. Детвора.—Сборник стихотворений.

Часть IV. Для IV класса, состав. **В. Э. Фриденбергом** и **И. Н. Розановым.** Стр. 692. Ц. въ папкѣ **2 р. 50 к.**

СОДЕРЖАНИЕ: И. С. Тургенев. Малиновая вода.—Н. В. Гоголь. Шинель.—А. М. Горький. Дело съ застежками.—А. С. Пушкин. Капитанская дочка.—В. М. Гаршин. Изъ воспоминаний рядового Иванова.—А. Н. Островский. Свои люди—сочтемся.—Л. Н. Толстой. Хозяин и работник.—Г. Г. Успенский. Парамон юродивый.—А. П. Чехов. Святою ночью.—Стихотворения.

Все четыре части хрестоматии снабжены портретами писателей и поэтов, произведения которых помещены въ ней, и многочисленными рисунками и иллюстрациями художников **А. Н.** и **В. И. Комаровых.**

КОНСЕРВАНИЕ
22.08.02.